

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1.09-3+929[Лесков+Филарет Дроздов+Филарет Амфитеатров]

Два Филарета: о специфике изображения святых в произведениях Н. С. Лескова

Е. В. Рапацевич

Рапацевич Елена Вадимовна, аспирант кафедры истории и теории литературы, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, G141528@yandex.ru

В статье предпринята попытка рассмотреть приемы изображения святых в текстах Н. С. Лескова на примере образов митрополитов Филарета Дроздова и Филарета Амфитеатрова. Акцентирована полярность выразительных средств в характеристиках персонажей, во многом продиктованная пафосом повествователя. Анализ выполнен на материале не только «Мелочей архиерейской жизни», но и некоторых других произведений.

Ключевые слова: Н. С. Лесков, Филарет Дроздов, Филарет Амфитеатров, святитель, образ, святость, повествовательная манера.

Two Philarets: On the Special Features of the Saints' Images in the Works by N. S. Leskov

E. V. Rapatsevich

Elena V. Rapatsevich, <https://orcid.org/0000-0003-4904-2212>, St. Tikhon's Orthodox University, 23B Novokuznetskaya St., Moscow 115184, Russia, G141528@yandex.ru

The article attempts to study the methods of depicting saints in the texts by N. S. Leskov on the example of the images of saint bishops Philaret Drozdov and Philaret Amphiteatrov. The polarity of expressive means in the descriptions of the characters is emphasized as largely driven by the narrator's pathos. The analysis is based not only on the material of the *Trifles from the Life of Archbishops*, but also of some other works.

Keywords: N. S. Leskov, Philaret Drozdov, Philaret Amphiteatrov, saint bishops, image, holiness, narrative style.

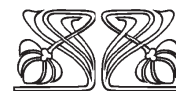
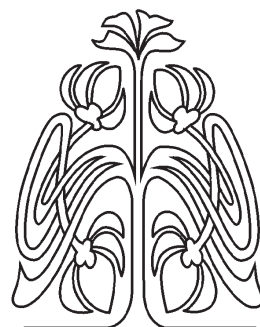
DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-49-53>

Одной из заслуг Н. С. Лескова как литератора стало многостороннее изображение русского духовенства. Писательский выбор такого объекта художественного исследования обусловлен прежде всего происхождением Лескова – из того же «колокольного сословия». В круг духовного чиновничества писатель был введен отцом, который, получив специальное образование, «не ступил на стезю служения в качестве лица духовного и, будучи по природе своей человеком высоких нравственных правил, склонен был скорее критически оценивать поступки некоторых представителей священства»¹. Взгляд будущего писателя на церковных иерархов был не сторонним, иногда пропущенным сквозь призму личного общения.

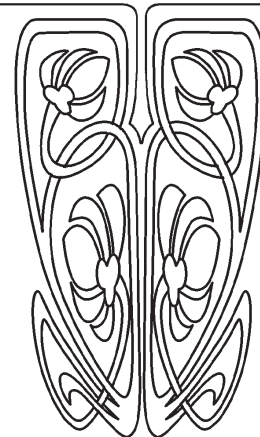
В произведениях Лескова дана галерея священнослужителей, и почти все они современники писателя. Среди них будущие святые, прославленные Русской Церковью в XX в. в чине святителей, – Филарет Московский (Дроздов), Филарет Киевский (Амфитеатров), Иннокентий Херсонский (Борисов), Игнатий Брянчанинов².

Цель данной статьи – выявить особенности изображения на страницах лесковских текстов митрополитов Филарета Дроздова и Филарета Амфитеатрова.

Святители – это разряд святых из епископского чина. Внутри лика святителей можно увидеть самые разнообразные служения: лю-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

дей, посвятивших свою жизнь устройению церковных дел; богословов и церковных писателей; миссионеров; молитвенников и аскетов; общественных деятелей. Епископы с первых веков христианства уподоблены Христу, а пресвитеры, помогающие ему в управлении Церковью, – апостолам. Святость святителей как предстоятелей Церкви (при условии беспорочной жизни и праведной кончины) есть, прежде всего, выражение святости самой Церкви как Тела Христова.

В XIX в. изображение духовенства в литературе традиционно снижено – до саркастического. На это указывает фронтальный анализ не только русских народных, но и некоторых литературных сказок, где представители духовенства попросту высмеиваются. По наблюдениям С. В. Мельниковой³, И. Ф. Гнусовой, в произведениях начала века, несмотря на общую тенденцию «возрождения духовного начала»⁴, образ священнослужителя не так востребован, как в 60-е гг. В лучшем случае он является «прикладным», эпизодическим, служит для обозначения ключевых событий в жизни главных героев повестей, романов той эпохи⁵. Возможно, принцип «камерного», «человеческого» изображения усвоен Лесковым из переводной английской литературы⁶. Однако в целом небеспристрастному отношению образованной части общества к духовенству способствовали условия исторически-культурного контекста, в котором воспринималась Церковь во все время Синодального периода.

Отношение самого Лескова к Церкви принято называть сложным. Истоки этой сложности – в горячей, страстной натуре и личностном неприятии лжи, в равнодушии к вопросам святости Церкви и ее предстоятелей. Писатель ставит задачей дать живой очерк современных ему иерархов (6, 130). Все они представители самого закрытого в России сословия, а изображаемые или упоминаемые (как св. Тихон Задонский) в текстах святители – особый класс «чиновного учебного монашества», внутри которого сосредоточилось церковное управление. Нельзя предположить, что Лесков, будучи строгим в своей оценке, не чувствовал исходящей от них истинной святости. Однако писатель стремится к предельной четкости изображения персонажа и добивается этого, прежде всего, приемом противопоставления («русский народ любит глядеть на пышность, но уважает простоту» (6, 448). Максимальной полноты достигают под пером Лескова образы двух митрополитов – Филарета Киевского и Филарета Московского.

В изображении героев основной повествовательной манеры Лескова становится детализация. Актуализирована, как правило, какая-то одна характерная особенность. В образе киевского митрополита акцент сделан на внутренних свойствах характера, а в описании Филарета Дроздова, напротив, на внешних признаках. Наиболее подробно Филарет Амфитеатров изо-

бражен в произведениях «Владычней суд» и «Мелочи архиерейской жизни». Как персонаж святитель вводится в повествование приемом ретроспекции: «В тягостной полосе моих ранних воспоминаний есть одно **исключение**», «самое **светлое воспоминание** о небольшом ... происшествии, бросающем **мягкий и теплый луч света** на меркнущую в людской памяти личность **благодушнейшего иерарха** русской церкви, покойного митрополита Киевского Филарета Амфитеатрова» (выделено нами. – *Е. Р.*) (6, 92). Портрет владыки наполнен светом, задана доминанта образа – доброта: «Еще ребенком у себя в Орловской губернии, откуда покойный митрополит был родом и потому **в более тесном смысле был моим “земляком”**, я слышал о нем как о человеке доброты бесконечной» (выделено нами. – *Е. Р.*) (6, 130–131). Ретроспекция в изображении героя дает ключ к его пониманию и оценке: рассказчик не просто симпатизирует владыке, но утверждает его духовный приоритет. В дальнейшем приемы повествования направлены на создание очень живого и привлекательного персонажа. Это выражено сменой впечатлений: владыка казался «и очень добрым и грубоватым», затем «первое всё усиливалось, а второе ослабевало». Живость характера передает речевая характеристика героя: повествователь отмечает переливчатость интонаций митрополита Филарета (владыка «то говорил немножко надтреснутым, слабым старческим голосом, как бы с неудовольствием, и потом мягко пускал добрым стариковским баском»). В миролюбии и миссионерских качествах персонажа убеждает, например, обращение им протестантки в православие (6, 131–132).

В одном из эпизодов Филарет изображен Лесковым в саду в окружении детей – учеников монастырской иконописной школы, которые сначала крадут во владычнем саду груши, а затем, смущенные и без всякого принуждения вразумленные, растроганные добротой владыки, «не только руки, но и ряску-то его» целуют. Аллюзия на сюжет иконы «Благословение детей» служит дополнительным средством идеализации образа «превосходного старца» с «превосходною добротою».

«Исключительность» в восприятии Лескова личности Филарета Киевского и Галицкого усиливается сопоставлением с его современником – Филаретом Московским и Коломенским (Дроздовым).

Филарет Дроздов был самый авторитетный иерарх своего времени. Он управлял Московской митрополией на протяжении 46 лет, и период его правления стал «эпохой Филарета». Имя митрополита упоминается в таких сочинениях Лескова, как «Мелочи архиерейской жизни», «Борьба за преобладание», «Синодальный философ», «Сеничкин яд», «Очарованный странник», «Человек на часах», «Чертогон».

Филарет Московский – святитель, святости которого Лесков не увидел, а в последней главе «Мелочей...» даже выразил своего рода опасение по поводу возможной скорой канонизации митрополита (6, 533).

В противоположность «настоящей добродетели» киевского святителя, «истинному, неподдельному смиренству» «истинного человека» Филарет Дроздов предстает в целом ряде очерков⁷ «лицом умным, горделивым», славолубивым, честолюбивым, властным⁸, «уловляемым лестью», «колким», недоверчивым к людям. Писатель по отношению к этому герою выступает как сатирик и потому прибегает в изображении к приемам гротеска, фольклорным формам выразительности (говаривали, будто он «ел по одной просфоре, но целым попом закусывал», «не велик, нарочито худ, а из глаз, яко мнилося, семь умов светит» (6, 425, 522)). По своему положению митрополит обязан был разбирать происшествия во вверенных его ведомству приходях – как особенность Лесков отмечает «неодолимую упорность в невнимании к жалобам» (6, 424). О пресловутой осторожности Филарета упоминается и в «Очарованном страннике» – в рассказе Флягина о «московском попике-запивашке», молившемся за самоубийц и преданном доносительством на суд митрополита Московского. Владыка медлил с принятием решения, даже отлагая ходатайство за «иерея слабого» самого преподобного Сергия. Это «медление» рассказчик считает следствием «расчетливости и осторожности характера»⁹. Данная черта получает гротескное изображение: митрополит якобы «по преданиям, еще в юности употреблял поговорку: “скорость потребна только блох ловить”», «не делал исключения даже для спасения утопающих», и даже «если бы миру угрожал новый потоп и от его преосвященства зависело бы заткнуть дыру в хлябях небесных... он и тогда не ускорил бы движения перста» (6, 426).

В описании персонажа – никакого сходства с изящными характеристиками митрополита Филарета Амфитеатрова. Неприязненность актуализирована лексическими повторами: «**особа** очень большая, **особа**, ездившая “на шести животных с двумя человеками на запятках”, **особа**, имевшая видную роль в истории» (выделено нами. – Е. Р.) (никогда Лесков «особой» не называет Филарета Киевского).

Повествователь придирчив к «мелочам» в поведении, речи, в облике своего персонажа: появление владыки передано словами «что-то зашуршало», не «старичок Божий» – «старик», который «потирает свои как будто зябнувшие руки», «одет в одной легкой ряске и каком-то колпачке», «проницательные глазки» (6, 429) (выделено нами. – Е. Р.). На словообразовательном уровне уменьшительно-ласкательные суффиксы «измельчают» образ, усиливают иронию. То же средство – в описании «престарелого митропо-

лита» Киевского, но с противоположной коннотацией (6, 139). Манера поведения владыки во время разговора в различных эпизодах враждебно дистанцирует его от собеседника: говорит «мягким, замирающим полупешотом», «прошептал», «с медлительными расстановками» (6, 430), фразы разделены многоточиями; паузами: молчанием персонажа, движением век, потиранием рук. Прием звукописи (сонорные согласные полностью нейтрализованы глухими фонемами) также передает напряженность обстановки. Холодность доминирует в цветописе: серые глаза, серебряный колокольчик (6, 429–432). Перемены в облике также резки и неприятны: «тихий голос владыки исчез и угасший взгляд его загорелся»; «пристально воззрился» «во все глаза», «точно вырастая», колокольчик в «дрожащей руке владыки» «судорожно» звенит (6, 431–432).

Преосвященный митрополит почил незадолго до времени создания «Мелочей...», и Лесков в своей художественной оценке открыто полемизирует с «панегиристами» Филарета. Перо писателя в отношении данного героя заострено под определенный отгалкивающий психотип.

Умалены и аскетизм («прежде всего и после всего монах», «истовый», «ставивший свой аскетизм выше всех своих обязанностей духовного администратора», «скала аскетизма» (6, 426)), и прозорливость духовного сановника: он ошибся в принятии решения по разбору жалобы, поддавшись живому чувству возмущения (хотя владыка был обманом приведен в это состояние¹⁰). В рассказе «Человек на часах» о логику «проницательного владыки» разбивается правда солдата Постникова. Облик Филарета при этом почти статичен, дематериализован: о судьбе часового слушает **молча**, но внимательно, «**слегка шевеля** ...четками и **не сводя** глаз с рассказчика». Речь **тихая, журчащая**, перемежающаяся молчанием с перебиранием четок «сквозь **восковые персты**», «тихоструйная» (8, 172) (выделено нами. – Е. Р.). Наконец, всякое движение застывает в одних номинациях: «Четки и тихоструйный перебив», «Пауза, четки и тихоструй» (8, 173). Резолюция справедливости в устах владыки сводится (по мнению автора) к мирскому, земному довольству (8, 172–173). Гораздо более проницательности и такта писатель показывает в Филарете Киевском – в таких его непосредственных оценках людей и их поступков: «глупый какой!..»; «Э-эх, глупые, глупые»; «бедная, бедная»; «Ишь какой хороший» (6, 132–133, 135–136) и подобных, а также в «водворении владычным судом милосердного Филарета» (6, 103) правды в отношении жида-интролигатора в повести «Владычный суд».

Дипломатичность Филарета Дроздова в одном «характерном случае» (6, 513) показана несколько более положительно. Хотя оттенен образ другим персонажем – «сорванцом» полицейским генералом, который надоедал всем своим

«вздорливым нравом и зливостью» и не иначе как «наскочил» на Филарета (6, 522). По отношению к полицейскому генералу владыка ведет себя мудро, и «досадительный труд» (6, 522), к которому вынуждает святитель генерала, должен бы послужить последнему к несомненному его благу. Но к нравственному изменению персонажа встреча с митрополитом не приводит. Как и в рассказе «Человек на часах», действия иерарха производят эффект обманутого ожидания. В художественную задачу Лескова показать митрополита Московского с положительной стороны не входило, и он остается верен выбранному ракурсу изображения.

На другом полюсе – повествование о манере ведения чиновных дел Киевским митрополитом: трогательное беспокойство Филарета о том, «не очень ли строг» был он в отношении провинившегося, в то время как одним лишь внутренним действием своей доброты привел того к искреннему покаянию (6, 459–462). Показательно также «взыскание» священнику о. Ботвиновскому (6, 133). Лесковым отмечен интерес владыки к иконописанию. И в данном вопросе оба Филарета противопоставлены: московский «не знал толку в этом деле», «относился равнодушно», киевский «любил иконописное дело», «смело вмешивался» в работы по соборной реставрации, хотя и вызывал этим недовольство государя, который, как известно, ценил и «Филарета мудрого, и Филарета благочестивого» (6, 457), но предпочтение отдавал Дроздову.

Лесковская оценка героев совершается еще по одному евангельскому критерию: Русь-де судит о церковном правительстве, «держась в этом слов своего божественного учителя: “*дерево узнается по плодам*”» (6, 464). Так, перечисляя деяния ушедшего в 1857 г. Филарета Амфитеатрова, рассказчик отмечает оставленное митрополитом после себя «сплошное, одноверное население», укрепившееся верою благодаря своему «старесенькому дидусе» (6, 463), из возможных учеников упомянуты схимник Парфений¹¹ и воспитанник митрополита архиепископ Казанский Антоний.

Плоды Московского владыки остались на страницах лесковских текстов неотмеченными. Основным пастырским подвигом святителя Филарета Московского является дело перевода на русский язык книг Библии. В этом вопросе митрополит столкнулся с противостоянием идейных противников. В числе их был и Киевский Филарет, который возражал против перевода из опасений забвения языка церковнославянского (владыка не изменил своего мнения до конца жизни). Дело завершилось изданием параллельного текста, что утвердило согласие между оппонентами и доказало богоугодность подвига святителя и его сторонников. Отношение Лескова к катехизису слышится в просторечном суффиксе определения – «филаретов» (6, 303)¹².

«Младенческой простоте» митрополита Киевского Лесков противопоставляет видимую «сложность» митрополита Московского – «простое» «непростому», душевной открытости – замкнутость. Отбор выразительных средств в обеих характеристиках продиктован пафосом повествователя. И все же Лесков близок в своей оценке к народной: оба святителя приняли монашеский постриг в честь своего небесного покровителя Филарета Милостивого, но народ «Филаретом Милостивым» прозвал Киевского владыку. Лесков останавливается на определениях «истинное монашество» для одного и «истиннейший монах» (6, 464) для другого. И хотя формы степени прилагательного все-таки передают оценочный нюанс, различие в служении митрополитов явное: преимущественно общественное в деятельности святителя Филарета Московского и личное, в любви к ближнему – святителя Филарета Киевского.

Примечания

- 1 Лесков Н. Собр. соч. : в 11 т. Т. 1. М., 1956. С. 399. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы в скобках.
- 2 Митрополит Филарет (в миру Василий Михайлович Дроздов); 1782–1867; канонизирован в 1994 г. Митрополит Филарет (в схиме Феодосий, в миру Федор Георгиевич Амфитеатров); 1779–1857/1858; канонизирован в 2016 г. Архиепископ Иннокентий Херсонский и Таврический (в миру Иван Алексеевич Борисов); 1800–1857 г.; канонизирован в 1997 г. Епископ Игнатий Брянчанинов (в миру Дмитрий Александрович Брянчанинов); 1807–1867 г.; канонизирован в 1988 г.
- 3 См.: Мельникова С. Жизнеописание приходского священника в русской беллетристике второй половины XIX века // Сюжетология и сюжетография. 2013. № 2. С. 106–114.
- 4 Лихачев Д. Два русла русской культуры. URL: http://likhachev.lfond.spb.ru/articl100/Russia/2_rusla.pdf (дата обращения: 21.11.2019).
- 5 См.: Гнюсова И. «Мелочи архиерейской жизни» Н. С. Лескова в контексте английской прозы о жизни священнослужителей: Дж. Элиот и Э. Троллоп // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2015. Вып. 1 (29). С. 98–107.
- 6 Там же.
- 7 Близок Лескову в выражении оценки личности митрополита Филарета Дроздова современник писателя, будущий историк церкви, профессор Московской духовной академии Е. Е. Голубинский (1834–1912), зафиксировавший в «Воспоминаниях» тяжелый характер митрополита. Труды Голубинского, носившие относительно либеральный характер, вызвали против него гонение со стороны К. П. Победоносцева и других официальных представителей Церкви. Лесков неоднократно упоминает о Голубинском в ряде своих статей и очерков. Несмотря на полемический характер высказываний, можно судить о том, что Лесков поддерживал

профессора (10, 470–471). В «Мелочах...» же так сказано о строгости Филарета: «Особенно ученым строго; он вон иерея Беллюстина вызвал, посмотрел на него, да опять пешком в Калязин прогнал... А Голубинского еще хуже: прямо по руке ударил; он к ученым лют» (10, 518–519).

⁸ То, что митрополит действительно внушал опасения своим авторитетом, отмечает в последней главе «Мелочей...» Лесков: «...прозорливым умам казалось кстати поприсмотреть за митрополитом Филаретом, – как бы он, при окружавшем его народном уважении, не воспользовался этим и не ”воздвиг чего-нибудь через церковь”» (6, 534).

⁹ Осторожность и рассудительность митрополита Филарета в судебно-административных делах отмечает в своих работах митрополит Иоанн (Снычев): (См.: Жизнь и деятельность Филарета, митрополита Московского. Самара, 1997. С. 226). В монографии Л. А. Соколова о епископе Игнатии Брянчанинове также есть упоминание об известном «молчании» митрополита по поводу обращения Преосвященного Игнатия в Св. Синод (См.: Епископ Игнатий Брянчанинов. Его жизнь, личность и морально-аскетические воззрения : в 2 ч. Ч. 1. Киев, 1915. С. 225). Лесков данные качества рисует как отрицательные свойства характера Филарета.

¹⁰ В главе четвертой «Борьбы за преобладание» кстати приведен с известной для автора долей правдоподобности рассказ о доносе на «самого мужа совета» (Лесков Н. Собр. соч. : в 12 т. Т. 6. М., 1989. С. 399) со стороны умевшего организовывать такие вещи обер-прокурора С. Нечаева. Последний, по словам автора, коварством и пронырливостью ума, а проще подлостью «взял перевес» над Филаретом. Владыка же, как видно (тоже не раз оговариваемый современниками за свою хитрость), потому и потерпел поражение, что был чужд человеческой подлости.

¹¹ Парфений Киевский (в миру Петр Иванович Краснопевцев); 1790(1792 или 1793)–1855 – иеросхимонах, подвижник XIX в.; канонизирован в 1994 г.

¹² Известно, что катехизис (Пространный и Краткий) претерпел несколько редакций самого его автора, многочисленные правки. Оценка Лескова отражает также мнение общества о катехизисе: книга якобы еще более поспособствовала выхолащиванию веры. В Примечаниях к «Борьбе за преобладание» Лесков выразился о катехизисе Филарета Дроздова наиболее резко, сославшись на современников (историка С. Соловьева – «старика Д. Галахову»): «Николай погубил тысячи, а Филарет тьмы» (Лесков Н. Собр. соч. : в 12 т. Т. 6. С. 581).

Образец для цитирования:

Рапацевич Е. В. Два Филарета: о специфике изображения святых в произведениях Н. С. Лескова // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 49–53. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-49-53>

Cite this article as:

Rapatsevich E. V. Two Philarets: On the Special Features of the Saints' Images in the Works by N. S. Leskov. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 49–53 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-49-53>
